

Наталья Усачева,
доктор философских наук
Президент Гендерного информационно-
аналитического центра /ГИАЦ/

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Определить глубину и прочность дискриминационных факторов без учета традиционных предпосылок и культурно-исторических источников невозможно. Для Казахстана, где 43% населения составляют жители села, проблема патриархального наследия, строгости его исполнения очень актуальна.

Многие крупные города Казахстана возникли около середины XX века как центры добывающей или перерабатывающей промышленности путем мощных миграционных процессов. В лавину бурных событий социального переустройства были вовлечены, прежде всего, жители села, с их консервативностью и не готовностью осваивать новые виды деятельности, стоящих на жестких принципах во взглядах на традиционные нормы уклада жизни, разделение сфер и обязанностей между полами. Поэтому еще и сегодня традиционные устои современным горожанам далеко не всегда представляются пережитками.

Но, что интересно, если сегодня в официальных структурах общества и в женских общественных организациях говорят о равенстве женщин как о позитивном и желательном для общества явлении, то на уровне быденного сознания как раз изменение положения женщин в сторону самостоятельности и независимости, зачастую вызывает беспокойство и тревогу. Особенно в тех случаях, когда это явление как-то входит в контекст размышлений о пользе культурного возрождения. В историческом укладе прошлого многие видят апробированные идеальные образцы для подражания. К сожалению, эта идеализация не всегда взвешена и критична, хотя многие исторические данные свидетельствуют о невозможности их современного внедрения без нарушения сложившихся основ общежития, прав человека и демократических принципов.

Консервативные утопии возрождения имеют своей целью не доказательство истины, а выступают лишь в качестве идеологического лозунга. Именно поэтому довольно часто в конструкциях этих утопий можно встретить не только ложные, но и крайне реакционные суждения и выводы.

Отличительной чертой любой консервативной утопии является то, что она, как правило, игнорирует вопрос о том, насколько общество в настоящий момент в настоящем его виде, с присущим ему укладом жизни, культурными, религиозными и этическими нормами способно к реформации к нормам и идеалам прошлого. Не берется в расчет и то, насколько коррелируют друг с другом установки прошлого и настоящего в самосознании общества.

Консервативные утопии возникают по преимуществу в тех сферах социальной жизни, где отсутствуют хотя бы вчерне представленные эталоны для созидательной деятельности на уровне современных потребностей. У нас такой сферой по-прежнему остается сфера быта, рутинный поток которой захлестывает женщину целиком. В отличие, например, от экономики, где наличествует пусть и нечеткий (судя по правительственным “концепциям реформ” и их результатам) эталон современного

развитого государства. Вследствие этого экономика и есть та сфера жизни общества, где консервативные утопии чувствуют себя наиболее неуютно.

Там же, где есть малейшая возможность не прикладывать усилий для радикальных изменений: “мы прекрасно обходились тем, что имели, и было даже лучше”, и на этом сэкономить, – там консервативным утопиям полное приволье. Это особенно очевидно из “экономии” на создании научно обоснованных концепций развития образования, здравоохранения, социальной защиты и т.д.

Я вообще склонна утверждать, что экономическая и теоретическая нищета страны является мощнейшим источником консервативных утопий. Господство утопий и мифов проявляет себя с наибольшей силой именно в тех сферах жизни, которые сильнее прочих обделены вниманием и материальной поддержкой государства.

Живыми ростками нового, само собой разумеется, можно, как мы видим, признать как раз те явления социальной жизни, которым государственные структуры уделяют внимание по максимуму. Например, те же самые экономические преобразования вряд ли безболезненно отреагируют на яды из разлагающейся системы государственного школьного и высшего образования, жалкое положение которых вовсе не поправляется, а только подчеркивается возрождением заведений для “благородных девиц”, священнослужителей, гвардейцев и т.п.

Впрочем, то обстоятельство, что консервативные утопии являются порождением нищеты, кажется, должно вселять надежду на то, что их жизнь будет не слишком продолжительной. Ведь во многих случаях обращение к идее возрождения даже официально расценивается как экстраординарная мера по защите и сохранению культуры и целостности этноса. В качестве примера укажем на то, что отмена в Казахстане, Осетии и, возможно, других, ориентированных на мусульманскую религию, двух статей уголовного кодекса, предусматривающих запрет на многоженство и на покупку невесты (калым) обосновывается, как средство улучшить крайне тяжелую демографическую ситуацию. Но ведь это грубое противоречие принципам демократии и равенства, не говоря уже о том, что это шаг назад, а не вперед на пути к гуманистическим принципам, которые не допускают отношений господина и раба между людьми.

Патриархальные утопии вообще как-то очень неохотно стыкуются с перспективами демократического развития, ведь приходится видоизменять основные принципы иерархической подчиненности и субординации, на которых строится патриархат.

Нет ничего удивительного в том, что феминизм, и, соответственно, женская эмансипация вошли в контекст многочисленных и ожесточенных дебатов на тему хорошо это или плохо “для нашей специфической ментальности”, как неразрешимый предмет спора и оценок.

Наличие такого рода полярностей, в принципе, нормальное явление, ведь стремительное “освоение” женщиной мужского мира – мира социума совершается действительно на уровне самых новейших технологий, к этому невероятно трудно привыкнуть. Тем более, что привычными являются как раз сложившиеся в тысячелетней культуре нормы патриархата, которые во всех своих структурных и функциональных проявлениях по своему основанию были функционально упорядоченными и уклад, роли, статусы полов были настолько стабильными, что иначе чем, предопределенными природой и не воспринимались.

В настоящий период ситуация благоприятствует возвращению, казалось бы, ушедших из жизни норм и принципов жизнедеятельности. Общий принцип государственной суверенизации государства требует национальной суверенизации, то есть выделения своего национального "я". Для доказательств своеобразия привлекаются факты культурного, этнического, этнографического, религиозного и других планов.

Традиционное понимание "правильного" распределения гендерных ролей привлекает не только своей фундаментальной "правильностью", но, как оказалось, очень выручает и определенные группы должностных лиц, при необходимости решать какие-либо проблемы социально-экономического плана. Так, все более остро обнаруживающая себя безработица, по мнению некоторых государственных чиновников вполне могла бы быть решена, если бы мы вернулись к традиционному укладу и если женщины вспомнят о своем природном предназначении, то есть включатся в благородное дело крупномасштабного увеличения численности казахстанцев. К тому же работающую женщину можно обвинить в том, в росте детской преступности, поскольку она пренебрегает выполнением своих прямых материнских обязанностей. Идет тотальная пропаганда возврата женщины к семейному очагу под тем предлогом, что тем самым она сохранит свое естество, а общество получит ухоженных, культурных и грамотных представителей будущих поколений.

Хотя такие призывы иногда звучат с самых высоких трибун, женщины подходят к ним с известной долей осторожности, поскольку экономическая ситуация и социальные ограничения, поставленные самим правительством, не позволяют надеяться на светлое и радостное будущее рожденных и еще не рожденных детей.

Таким образом, бытующий постулат о наличии извечного, природного предопределения социальных функций мужчины и женщины в Казахстане проявляет себя очень ярко. Он выдвигает определенные требования к системе воспитания девочек и мальчиков, к выработке специфических ролевых навыков и стереотипов поведения и в конце концов отражается на уровне самосознания и притязаний личности.

Патриархальная парадигма распределения социального пространства между полами поддерживается целым рядом социальных установок и практик.

К ним можно отнести:

1. Слабая представительность женщин в элитарных структурах делает их личностный статус более низким, чем статус мужчины. Это зачастую приводит к необоснованным "доказательствам" непогрешимости и интеллектуальном превосходстве мужчин и их праве "повелевать";
2. Наследие тоталитарно-репрессивной модели отношений, типичной для патриархальной культуры и государственного режима, вошедшее в сознание как система господства/подчинение, а не толерантность и уважение к личности.
3. Недоверие основной массы населения и в особенности его женской половины, к возможности сознательного структурирования отношений между людьми и вера в иррациональные воздействия на судьбу, включая фатальные. Смириться с обстоятельствами и подчиняться им для многих легче, чем противостоять им и осознанно строить те модели, которые соответствуют гуманистическим и демократическим нормам общежития.

4. Неверие в собственные силы и традиционно низкая самооценка женщин, в силу чего они допускают возможность решать за себя самые тривиальные вопросы, контролировать свои поступки и даже терпеть наказания и унижения в семье.
5. И последние, СМИ, став “свободными”, включились не только в пропаганду новых форм жизни и отношений, но и, борясь за читателя, насаждают сексизм, эротику, сексуальную свободу и даже сексуальную эксплуатацию. Под видом же культурного возрождения, идет оправдание патриархатных моделей отношений, где женщине отводятся чисто традиционная роль хранительницы домашнего очага. Взвешенного, цивилизованного подхода к проблемам гендерных отношений в СМИ встретить почти невозможно и это относится не только к “желтой” прессе.

В практике повседневной жизни патриархатный тип отношений проявляет себя в сохранении диспропорции бытовых нагрузок по признаку пола – в результате загруженность женщины выше, чем у мужчины, как минимум в 2 раза;

В снижение степени ответственности за воспитание детей со стороны отцов и росте числа матерей-одиночек, поскольку функции родительства соотносятся исключительно с понятием “материнство”. Это большая драма нашего общества, так как число матерей-одиночек неуклонно растет и достигает в городах 20 % среди женщин детородного возраста. Проблемой становится и все более увеличивающееся количество несовершеннолетних мам, и брошенных на попечение государства в домах малюток детей. Понятно, что вина за все огрехи родительства ложится исключительно на женщин, которых развратила свобода.

Таким образом, сама идея возрождения, призывы необходимости возвращения к патриархальным, апробированным веками ценностям и установкам содержат в себе защиту социальной иерархизации полов и поддерживают основание скрытой дискриминации женщин в обществе.

Вторым значимым источником, способствующим сохранению асимметрии полов, выступает религия, возврат к ценностям которой широко приветствуется институциональными структурами, общественностью и СМИ.

Не отрицая важной роли религии в деле гуманизации общества и личности, признавая ее консолидирующее, объединяющее и облагораживающее влияние на духовное самосознание нации, следует отметить антиженскую направленность и ортодоксальность подхода в понимании иерархического взаимодействия полов.

Религия на протяжении многих веков являлась действенной регулирующей силой, которая определяла содержание норм права и морали, жесткость соблюдения традиций и обрядности этноса.

Казахстан – страна многонациональная и поликонфессиональная. Совместная деятельность и взаимодействие на уровне личных контактов, наличие большого числа смешанных браков, высокий уровень образованности и общая установка бывшего Советского государства на атеизацию народа несколько снизили религиозность населения.

Любая религия в самом радикальном или либеральном своем проявлении не допускает и не приветствует равенства полов. Ни одна религия мира не допускает возможности служения Богу со стороны женщин профессионально. Даже избираемые сектой

пресвитеры у протестантов могут быть только мужчинами. Одним словом, мы видим факт запрета на деятельность по половому признаку, причем на деятельность, обладающую престижностью в глазах общества. Это не означает, что для женского движения религия должна стать главной мишенью, но в то же время это обстоятельство, безусловно, требует критического отношения с позиции положения о равных правах человека. Наиболее репрессивные правила половой субординации существуют среди отдельных групп последователей ислама и некоторых христианских сект, в которых женская сегрегация и подчиненность является абсолютной.

Действует безоговорочное запрещение противозачаточных средств, аборт, экономической самостоятельности женщин, даже в случае ее занятости на производстве, поскольку все заработанные женщиной деньги, рассматриваются как коллективная собственность. Таких групп, правда, в Казахстане ограниченное количество. В целом же ислам проявляется здесь в более либеральном виде, чем в исламских государствах. Однако наступление исламского фундаментализма не исключено.

Исламистская, а не христианская система ценностей для Казахстана является более определяющей из-за большого удельного веса жителей села, основную часть которых составляет казахское население. Именно эта группа является наиболее приверженной исламу. Ислам становится идеологическим лозунгом определения национальной самоидентификации и используется довольно часто в политических спекуляциях.

Надо отметить, что и женские движения исламской ориентации – “Союз исламских женщин”, “Лига исламских женщин”, “Союз женщин – мусульманок” и т.д. – тоже пропагандируют идеи ислама, без учета его дискриминационной направленности. Уже неоднократно представительницы этих организаций выступали с предложениями принять на законодательной основе традиционное для ислама многоженство. Это предложение как фактор легализации внебрачных связей, с их точки зрения, в некоторой степени должно ослабить лицемерие общества и оздоровить его в целом. Речь идет о допустимом для мужчин, но не допустимом для женщин наличии внебрачных связей, о правовых ограничениях детей, появившихся в результате этих внебрачных отношений. В то же время многоженство, чего не понимают адепты исламизма, позволит законодательно утвердить существующий негласно и в какой-то мере, не одобряемый двойной стандарт морали.

Это понимают далеко не все, и даже некоторые феминистки, не разделяющие радикализма исламистов, отстаивают ценность ислама как гуманистического, сочувствующего женщинам религиозного направления.

Христианство во всех его разновидностях также придерживается таких главных постулатов: "глава мужа – церковь, глава жены – муж" и "да убоится жена мужа". Нельзя отрицать, что христианская мораль впервые поставила вопрос о равной ответственности супругов за прочность брака и за воспитание детей, но это было достижением для своего времени, но не для сегодняшнего дня. Сегодня ограничения и условности, поставленные христианскими догматиками, с их требованиями половой субординации, с их ограничительностью и подозрительностью к женщине ("женщина – сосуд дьявола"), явно противоречат принципам прав человека.

Преодоление традиционалистского подхода к социальным ролям мужчины и женщины – чрезвычайно сложное дело, и оно не может решиться только на уровне законов и правовых норм. Жизнь человека в обществе только частично определяется правом,

поэтому правовое декларирование равенства полов зачастую, запрещая дискриминацию женщин, только маскирует ее, переводя в ранг скрытой. Законы не могут гарантировать соблюдение равенства полов на бытовом уровне в структуре традиций или общественных форм сознания.

Советский период формирования и развития социальных отношений Республики Казахстан осуществлялся по типовым правилам государственного контроля и опеки. Идея равенства полов служила обоснованием и доказательством самого справедливого и гармоничного общества в мире. И хотя многое из декларированных прав и свобод было не больше чем утопией и рекламой, тем не менее это приучило женщину воспринимать себя ничуть не хуже мужчины и вступать с ним в определенную конкуренцию в различных сферах социального взаимодействия.

Всеобщее образование, не декларированное, а реальное в советский период, внедрило в сознание как минимум трех поколений идеи атеизма и ценностей западноевропейской культуры. С позиции этой культурной парадигмы, отношения полов на личностном уровне взаимодействия существенно отличаются от восточной модели. Сегодняшняя девушка-казашка, даже заявляющая о своей приверженности национальным традициям и религиозным установкам, не представляет себе, что ее можно лишить права выбора своего брачного партнера или что она может быть у своего мужа одной из нескольких любимых жен. Она должна быть единственной, любимой избранницей, как и он у нее. Ревнивые страсти Медеи ей намного ближе и понятнее, чем анемичное безразличие и терпеливость многочисленных жен восточного гарема.

Гендерный профиль женщин современного Казахстана очень разнообразен, но если постараться выявить общее, типическое, то можно отметить и наличие поляризации гендерных установок, и моменты согласия. Причем поляризация проявляет себя на уровне старых и новых представлений о роли и статусе полов, в отношениях между мужчинами и женщинами и, наконец, в установках самих женщин даже среди одной и той же этнической группы. Это не говорит о разобщенности общественных структур, это говорит о необходимости вариативности в определении гендерного вектора и гибкости его выравнивания. Преодоление дискриминации невозможно без учета специфики культурного наследия и нормативных требований социума. Правовое обеспечение равных прав, стремление женщины к равноправию не являются достаточным основанием для устранения неравенства.